Страничка истории

„ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЕМ?“

Помню, в школе мы редко называли друг друга по именам, больше по кличкам-прозвищам. Они были простыми и необидными: сокращалась фамилия, и все. В общем, сами мало это сознавая, мы поминали своих предков по прямой линии, от прозвищ которых в большинстве и произошли наши фамилии.

Устюжские фамилии на фоне общерусских Петровых—Ивановых—Сидоровых не устюжан нередко вводят в заблуждение. Часто местные фамилии, носители которых переселились в другие края (например, в Петербург), действительно приобретают некую польско-украинскую окраску.

И все же как образовались фамилии устюжан? Известно, что фамилии могли произойти как от имени, прозвища, так и от места жительства или по принадлежности кому-либо. Прозвища имели профессиональную направленность или отражали черты характера, внешность человека.

Имена устюжан и наших соседей — усольцев даже в XVII веке носили на себе отпечаток времен языческих. «Крещеные» имена в быту подменялись: так, среди наших предков-земляков в немалом количестве встречались Первой (Первуня, Первушка), Второй (Фторко), Третьяк, Четвертак (Четвертой), Пятой (Пятчика), Шестак (Шестой), Самой: был ли Восьмой — не знаю, но вот Девятых — сколько угодно.

Не обладая особой фантазией или не тратя много времени на размышления, родители так и называли детей — по порядку рождения. Или же давались одинаковые имена, скажем, Андреи, тогда в семье и на улице их звали Большой (Большак) и Меншой (Меншичко, Меншик). В 1623—1630 гг., да и позднее, в В. Устюге вполне нормально себя чувствовали Безсонки, Докучайки, Нехорошки, Несветайки, Путилки, Шумилки, Поздейки, Незнанки, Баженки, Гуляйки, Молчанки, Поснички, Мальцы, Казаринки, Невзорки, Некраски, Таскайки, Худячки, Шишарки и т. д. (это все мужские имена). Попалось как-то самое «убойное», с современной точки зрения имечко, да еще с соответствующей фамилией: Нелюбец Кощеев! Люди, имеющие фамилии по женским именам (Татьянин, Катеринин и т. п.), скорей всего имели предком незаконнорожденного, безотцовщину.

На отрицательные человеческие качества указывают имена Пьянко и Брага (в писцовой книге они отмечены с отчествами или с фамилиями и указанием занятий. Первый был стрельцом. Брага Моисеев полностью соответствовал своему имени: пропил на кабаке свое дворовое место за 2 рубля и скрылся от налогов — «сбрел неведомо куды»).

Можно себе представить, какими были Микитка Князь и Герасимко Козел, Осташко Яковлев Неупокойко, Олешка Кошечка и Юшка Кот, Ивашка Шелудяк и Ивашка Баран, Ивашко Острога и Шалимко Кулик, Ивашко Бык и Степанко Лисица, Онашка Веселой и Федька Бровка, Федька Самодур (кстати, винокур по профессии) и Онашка Комар, Федька Гуща и Ондрюшка Жуля, Микитка Решето Калинин Пыхов (кожевник) и Василий Федотов Гусельников Скорая Запись и т. д.

Стоит надеяться, что за прозвищем рыбного прасола Ивашки Пестеря стоят именно эти большие короба, а не что иное.

На дефекты или достоинства внешности намекают прозвища Худоног и Художил, Борода и Хохол, Щербак, Косолап и др.

Не отставали по части прозвищ и старцы монастырей. Вот лишь некоторые из них (указываются с именем, полученным при пострижении в монахи): Иоанн Синей, Антоний Субота, Самуил Яичница, Даниил Бабица, Иаков Петух, Варлам Красноос, Иев Уголь, Онтоний Светлолоб, Герасим Долгий Хава, Иона Чума. Есть среди старцев Хромые, Глухие, Судорога и пр. Даже если свои прозвища бывшие миряне принесли в монастырь из прежней своей жизни, то в монастырские книги они все равно попали с ними. Кроме того, как и в миру, людей с одинаковыми именами надо было как-то различать, поэтому и закрепились в истории Феодосий Долгий и Феодосий Сито, Герасим Сучок и Герасим Чеснок и т. д.

Посмотрим, как трудовая деятельность накладывала печать на весь род работника. Одна из самых распространенных профессий в В. Устюге XVII века была крупеники — оно и понятно, «ши да каша — пища наша». Тут ничего сложного, и откуда взялись Крупениковы, ясно. Веретенники дали жизнь Веретенниковым, колашники — Калачниковым и Калашниковым, гребенщики — Гребенщиковым, ситники — Ситниковым и т. д. А вот и (на мой взгляд) профессиональные прозвища: так, извозчика Жданка звали Гремячей, торговца Овдокимку — Журливой. Так и видишь, как обхаживает покупателя говорливый, как ручей, продавец. Ну, а как крупенику да не быть Хомяком?

Профессия «рудак» (в Устюжском уезде добывалась болотная железная руда) настолько вошла в устюжский быт, что это слово превратилось в имя собственное. Так, Рудачко Петров был вовсе не добытчиком руды, а торговцем в разнос — (ходил с кузовом по волостям. Допускаю, что он просто сменил деятельность, прозвище же прилипло).

Крестьянин Комарицкого стана Рудак (Рудачко) Яковлев сын Ожегов (он же Игнатий Яковлев Рудаков), основатель Красноборска, дал своим потомкам аж 2 фамилии: Рудаковы и Ожеговы, а брат добавил еще и Яковлевых.

Не совсем на профессию, но на какую-то деятельность указывает фамилия, ныне произносимая как Порядины, а до второй пол. XIX века, как Поряднины. Порядная — средневековый документ, договор при найме на работу: человек составлял «ряд», «рядился». Например, среди вкладчиков Михайло-Архангельского монастыря за 1602 г. упоминается Михайло Григорьев сын Поредник с Шарденьги. Он вполне может быть предком современных шарденгских Порядиных.

По «принадлежности» к кому-либо можно назвать распространенные в В. Устюге фамилии Поповых, Протодьяконовых, Дьяконовых, Пономаревых. В далеком прошлом это были или дети служителей культа, или различные «наймиты».

Весьма интересную легенду о происхождении также нередкой устюжской фамилии Шарыповы довелось услышать этой весной от бывшего земляка, ныне жителя Нюксеницы. В школьные годы он вместе со своей учительницей пытался найти объяснение этой фамилии, рассылая повсюду запросы. Из Кирилло-Белозерского монастыря (кажется, точнее он уже забыл) пришел ответ следующего содержания: дескать, было на Устюге в 1262 г. восстание против Вагуя — сборщика дани. Спутники его, татары, разбежались по волостям, спасаясь от гнева устюжан. Один из них, Шарип, обосновался на Шарденьге, и с тех пор пошла фамилия Шариповы. Поскольку для русского человека существует некоторая трудность в выговаривании, то и стали Шариповы Шарыповыми, через «ы». Кстати, нашего Шарыпова в армии и принимали за татарина благодаря фамилии.

Что касается якобы польских устюжских фамилий на «ский» и «цкий», то найти их корни не так сложно. Достаточно вспомнить названия деревень и местечек в бывшем Устюжском уезде. Примеров много: дер. Старково — Старковские; дер. Калинино — Калининские; дер. Ивашево — Ивашевские; дер. Марденьга — Марденгские; Черная речка (рецька, рицька) — Черноруцкие и т. д. Чаще всего фамилию, происшедшую по месту жительства, получали выходцы, переселенцы (точно так же, как появились Устюжанины в Сибири, а у нас — Вологдины, Кокшаровы, Вохмянины, Ерженины, Колмогоровы — Холмогоровы, Конасовы — Конасовы, Вайгачевы, Мезенцевы и др.), причем в местах, откуда ушли владельцы «географических» фамилий, вовсе этих фамилий нет! Так, во Власове (Ведерниково, а Бурдуково тож) совсем нет Власовых. Нужно учесть, что и деревням (т. е. первоначально земельным владениям) присваивались имена хозяев. К примеру, деревня Новоселово в XVII в. явно принадлежала крестьянину Петровского сельца Бажену Новоселцову, да она так и называлась — Новоселцово. Обрабатывать земли достаточно зажиточному человеку, каким был Бажен Семенов сын, могли половники, безземельные крестьяне, пришлые. А вот Старковские проживали и в Старкове, и в Шекине, и во Власове Шекинского прихода.

Традиция «награждения» прозвищами у нас удивительно живуча, особенно в деревнях, где живут сплошь однофамильцы.

О. ЗЕНКОВА,
заведующая филиалом
Великоустюгского
музея-заповедника